

УДК 330.1
ББК 65.01
Р86

Румер-Зараев, Михаил Залманович
Г96 Экономические эксперименты. Полные хроники / Михаил Румер-Зараев; предисловие А. Колесникова. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-17-109886-5

Очень многие утопии в конечном итоге становятся антиутопиями. Автор «Экономических экспериментов...» показывает это на нескольких характерных примерах из разных эпох, в основном — «от сохи», из области аграрной. Потому что сам Михаил Залманович Румер-Зараев знает ее лучше всего, «исходив сельскохозяйственную тему ногами», будучи аграрным журналистом и писателем в советские годы. Теперь таких нет, он единственный, кто знает аграрную утопию, обернувшуюся антиутопией, в лицо, живьем!

УДК 330.1
ББК 65.01

Научно-популярное издание

Михаил Румер-Зараев
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ. ПОЛНЫЕ ХРОНИКИ

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или какие-либо иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Подписано в печать 21.02.2019. Формат 60х90/16 Усл.печ.л.20
Тираж 2000 экз. Заказ №

Руководитель проекта И. Данишевский
Ответственный редактор Е.Кравченко
Компьютерная верстка: А.Грених
Дизайн обложки: Г. Смирнова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008): — 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Произведено в Российской Федерации. Изготовлено в 2019 г.
Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»
129085 г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 705. пом. 1, 7 этаж
Наш электронный адрес: www.ast.ru

«Баспа Аста» деген ООО
129085, Мәскеу қаласы, Звездный бульвары, 21-үйі, 1-құрылым, 705-бөлме, I-жай, 7-қабат
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
Интернет-магазин: www.book24.kz
Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».
Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.
Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию в республике Казахстан:
ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3а, литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 251 59 89, 90, 91, 92

Факс: 8(727) 251 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Өндірген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылмаған

ISBN 978-5-17-109886-5

© Михаил Румер-Зараев, текст
© Андрей Колесников, предисловие
© ООО «Издательство АСТ»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Свободу утопии!

Утопия — это такое место, куда хочется, как в советском анекдоте, который вспомнил Михаил Румер-Зараев в своей книге, улететь на «ероплане» к «ядренной матери». Но утопия — это и такое место, не куда, а *откуда* хочется улететь, сбежать, скрыться. Принудительное осчастливливание по заранее обозначенному плану не всегда оказывается жизнеспособным, а избранные для экспериментов места — пригодными для жизни.

Очень многие утопии становятся антиутопиями. Автор «Конца утопии» показывает это на нескольких характерных примерах из разных эпох, в основном — «от сохи», из области аграрной. Потому что сам Михаил Залманович знает ее лучше всего, исходя из сельскохозяйственную тему ногами, будучи аграрным журналистом и писателем в советские годы. Теперь таких нет, он единственный, кто знает аграрную утопию, обернувшуюся антиутопией, в лицо, живьем.

Содержание и вопросы этой книги напоминают о нескольких очень разных авторах. Международный бестселлер экономиста Дарона Аджемоглу и политического ученого Джеймса Робинсона называется в рус-

ском переводе «Почему одни страны богатые, а другие бедные». Почему один и тот же город, разделенный американо-мексиканской границей и населенный, по сути, одними и теми же людьми, представляет собой два типа существования, два уровня богатства и качества жизни? Почему, если смотреть из космоса, Южная Корея — будто елка в новогодней гирлянде, а Северная — черная дыра со слабым огоньком на месте столицы? Потому что в одной части разделенного города и страны есть работающие институты, а в другой нет — отвечают Аджемоглу и Робинсон. Потому что, мог бы добавить Михаил Румер-Зараев, в одной части реализовывали утопию, а в другой — нет.

Но почему «Огни в Степановском» (так называлась книжка отца автора, известного журналиста, репрессированного Сталиным) горят именно в Степановском — деревне кулаков, а не в Покровке — деревне батраков? Эти два села стояли (и стоят) рядом, а жили — по-разному. На это невозможно найти ответ, хотя фабула известна: одних противопоставили другим, сделали их инструментом насильственной реализации утопии. Другой вопрос: почему голые каменные пространства Палестины не смогли освоить арабы, а сделали это евреи? Ответ на этот вопрос, кстати, Румер-Зараев находит у Артура Кестлера в притче 1930-х годов, но притче документальной: молодой феллах говорит старому о евреях, осваивавших проданные арабами бесплодные земли — во всяком случае, они казались им бесплодными:

«— Псы они и сукины дети, но работать умеют. Вырастают на этом каменном холме помидоры, дыни и бог знает что еще. Мы слишком ленивы, ей-богу.

— Ты рассуждаешь как дурак, — презрительно отвечает старик. — Я живу для этого холма или он — для меня?»

Кибуцники научились жить для холма. Чтобы он стал в результате жить для них. Хотя сами они просто думали, что реализовывают свой идеальный план.

Второй автор, который пришел на ум после прочтения «Хроник социальных экспериментов», — тоже по еврейской части, даром что треть книги «Конец утопии» — о кибуцах. Это классик современной израильской литературы Меир Шалев, множество романов которого как раз об этом — о попытках, по словам другого классика той же литературы Амоса Оза, соединить в Палестине идеи сионизма с русским народническим сознанием. И это тоже утопия, и за нее люди отчаянно боролись десятилетиями и, вообще говоря, добились успеха, благодаря которому она не превратилась в антиутопию. Но вывод из этой истории не в пользу утопии — он в конце предисловия.

Развивая мысль Питирима Сорокина об отличиях реформы и революции, автор «Конца утопии» делает важный вывод: «... реформы, идущие вразрез с «базовыми инстинктами» народа, можно назвать реализованными утопиями. Они воплощаются в жизнь, когда некая абстрактная идея, рожденная в головах людей или одного человека, становится формой существования общества. Утопичен такой проект потому, что он идет вразрез с природой человека, сложившейся социальной практикой, хозяйственной традицией. Он может быть навязан обществу или тому или иному его слою насильственно (иногда и не навязан, а принят добровольно для себя группами идеалистов-энтузиастов) и существовать годы, десятилетия, но, в конце концов, исчезнуть разными путями — за счет другой силы или трансформироваться в более приемлемую для человеческой природы форму».

Утопия назидательна: «Всякая баба должна ежегодно рожать, и лучше сына, чем дочь». Утопия самоуверенна:

«Учение Маркса всеильно, потому что оно верно». Утопия, как правило, чрезвычайно рациональна, орнаментирована обоснованиями и цифрами. За которыми стоят хаос, произвол, нищета и неспособность отпустить сжатую пружину — поверить в человека и его разум, дать ему свободу и среду для этой свободы.

Проблема утопий в том, что это эксперимент, который ставится на реальных людях в реальных обстоятельствах. Или люди ставят его на самих себе, вовлекая в проект окружающих. В результате рождается множество Атлантид, обреченных на то, чтобы быть затопленными тяжелой водой истории.

Как только утопический проект социалистического хозяйствования в кибуцах был реализован и стал успешным, — он утратил свою идеологическую подоснову. Чтобы закрепить успех и развиваться, пришлось по сути стать капиталистическими предприятиями.

Утопия самой себе дала свободу — и перестала быть утопией.

Андрей Колесников, Московский центр Карнеги

ВВЕДЕНИЕ

Одна из книг Борхеса называется «Всеобщая история бесчестья». Можно было бы написать «Всеобщую историю утопий». От «Государства» Платона и «Города солнца» Кампанеллы до умозрительных построений современных фантастов. Но еще интереснее была бы «История реализованных утопий».

Вообще-то сам термин «реализованная утопия» содержит в себе некое противоречие. Ведь «утопия» — слово, придуманное в XVI веке английским канцлером Томасом Мором для обозначения идеального государства, где собственность общественная, труд обязателен для всех, а распределение происходит по потребностям. Так он назвал описанный в своем философском труде остров, на котором расположил это государство, используя греческое «не» — *U* и *topos* — «место». Получилось «не место», то есть то, что не имеет места, существует только в воображении автора. С легкой руки Мора так и стали называть всякое учение об идеальном общественном строе, всякую неосуществимую социальную фантазию.

Так как же это — реализованная утопия? А вот так — это когда фантастический план-мечта входит в соприкосновение с действительностью и получается город бу-

дущего Бразилиа, в котором нелегко жить, или советский колхоз.

Утопический проект реализуется в жизнь, когда некая идея, рожденная в головах людей или одного человека и продиктованная абстрактными представлениями, становится формой существования общества. Как правило, подобного рода проекты диктуются благими намерениями их авторов, их представлениями о том, каким должно быть устройство человеческой жизни, стремлением обустроить бытие таким, каким оно должно быть, а не так, как сложилось под влиянием «базовых» инстинктов общества.

Двигателем парагвайского эксперимента, в ходе которого отцы-иезуиты создали в XVII веке государство первобытных дикарей-индейцев, обитавших в этой пустынной стране, был чистый идеал — стремление построить среди этих «божьих детей» царство Иисуса, образцовое общество, в котором бы переделывалась человеческая природа.

Часть первая.

ПАРАГВАЙСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Предыстория. Импульсом для создания этого государства послужил эпизод конкурентной борьбы двух морских держав — Испании и Португалии, — колонизовавших Южную Америку. Времена были дикие и жестокие, границы между зонами влияния условны, и лихие португальцы из Сан-Паулу повадились совершать набеги в испанский Парагвай, похищая и обращая в рабство индейцев гуарани. В конце концов местные испанские власти решили пригласить иезуитов, у которых, видимо, была слава не только миссионеров, но и умелых организаторов, для создания индейских поселений, которые легче охранять от охотников за рабами.

Над этой вполне материальной подоплекой плана высилась идеологическая надстройка — обращение дикарей в христианство и попечение их душ. И испанский король обращается к генералу ордена с этим предложением.

Согласившись, иезуиты потребовали полной автономии — невмешательства в их деятельность со стороны светских властей вплоть до запрета проникновения европейцев на территорию поселений. Миссии, или редукции (так должны были называться будущие поселки от испанского *reducir* — превращать, обращать, приводить

к вере), освобождаются от налогов, и туда разрешается доставлять ружья (вообще-то индейцам строжайше запрещалось пользоваться огнестрельным оружием) в целях обороны от паулистов–рабовладельцев.

Первая редукция была создана в 1609 году. Первоначально поселения располагали на территории, имеющей выход к Атлантическому океану, но набеги паулистов не давали спокойно жить. И тогда решено было перебраться на юго-восток, в глубинный район, ограниченный с одной стороны Андами, а с другой — порогами рек Парана, Парагвай и Уругвай. Таким образом, достигалась максимальная автономия, не только политическая и экономическая, но и географическая. Здесь-то, на огромных пустынных землях, охватывавших около 200 тысяч квадратных километров (половина нынешней территории Парагвая), и осуществлялся этот поразительный утопический проект.

Под колокольный звон. На заре над поселком, состоявшим из многих сотен одинаковых тростниковых, обмазанных глиной хижин, плыл колокольный звон. Он звал на молитву в величественном здании церкви с украшенным золотом алтарем. Потом колокол созывал на работу. Строились в колонну и под бой барабанов, под мелодичные переливы флейты шли на поля. Возделывали пшеницу, рис, горох, табак, в привольных пампасах пасли огромные стада быков и коней, выделывали шкуры, пряли шерсть, обжигали кирпич, производили местный чайматэ. Вечером колокол возвещал отбой, а перед рассветом напоминал мужской половине обитателей хижин о необходимости выполнения супружеских обязанностей.

У святых отцов были все основания гордиться делом своих рук. Эти дикие дети природы, еще недавно хо-

дившие голышом и не брезговавшие человечиной, превратились в земледельцев и ремесленников, исповедовавших веру христову. Конечно, иезуиты не строили иллюзий по поводу своих подопечных. Стоило ослабить контроль, как обитатели редукации могли съесть семена, предназначенные для посева, или забить быка ради куска говядины. Они не голодали, продукты выделялись по норме с общественного склада, там же гуарани получали ткань для пошива одежды. Однако, по мнению их воспитателей, это были дети, смысленные, легко имитирующие ремесленные навыки (в редукациях были даже свои часовщики и ювелиры), но, как писал один из отцов-иезуитов, «никто из них не обладает большими способностями, понятливостью и способностью к здравому смыслу, чем мы это видим в Европе у детей, которые могут читать, писать, учатся, но которые, тем не менее, не в состоянии управлять собой». И вывод делался такой: «Они должны прожить еще несколько столетий социального детства, прежде чем достичь той зрелости, которая является предварительным условием полного обладания свободой».

Эти святые отцы были мыслителями, им по роду работы исповедников и проповедников полагалось исследовать человеческую природу, а тут попался прекрасный материал, с которым можно было свободно экспериментировать. И к тому же к их услугам был местный опыт. Главный конструктор парагвайской системы отец Диего де Торрес начинал свою миссионерскую деятельность в Перу, где жива была еще память о государстве инков.

Империя инков. В XVI веке Атлантику пересекли более двухсот тысяч испанцев. Это были честолюбивые и алчные неудачники, не нашедшие себе места в метрополии, — разорившиеся купцы, ремесленники, недоучки-студенты,

беглые монахи, солдаты, игроки и авантюристы. Легенды об американском золоте кружили им голову.

Когда несколько сотен солдат, предводительствуемые бастардом и свинопасом из Эстремадуры Франсиско Писарро, взяли штурмом Куско — столицу государства инков и вошли в храм бога солнца, увиденное ими превзошло все, что они могли вообразить. Все стены храма были покрыты золотыми листами. Огромная сверкающая пластина с выгравированными над ней чертами бога-солнца висела над алтарем. Эту пластину впоследствии продул в кости известный игрок и лихой кавалерист Мансио Серо де Легикано.

Поражало воображение и государственное устройство империи инков, описанное впоследствии монахами, шедшими в арьергарде отрядов Писарро. По территории, охватывавшей современные Перу, Эквадор, Боливию, север Аргентины и Чили и заселенной двенадцатью миллионами человек (таковы были масштабы этого государства), шли великолепные щебенчатые дороги, не уступавшие некогда проложенным в Европе Римом, в скалах вырубались туннели, через пропасти перебрасывались мосты, вдоль дорог располагались государственные склады, наполненные продовольствием, одеждой, всевозможной утварью. В городах высились роскошные храмы и дворцы знати. Водопровод, бассейны, сады, полные экзотических плодов... И всем этим великолепием располагала цивилизация, не знавшая колеса, железа, плуга (земля обрабатывалась деревянной мотыгой) и верховой езды (передвигаться можно было только пешком или в паланкине). Каким же образом при столь низком техническом уровне могла возникнуть такая высокая материальная культура?

Все дело в том, что за двести лет, с той самой поры как инки — это могущественное и агрессивное племя —

пришли сюда, завоевывая местные племена и становясь верхним аристократическим слоем в созданной ими империи, здесь создалась жесткая и строгая система социальной организации общества.

На вершине социальной пирамиды стоял верховный инка — живой бог, неограниченный и недоступный властелин. Затем шли инки — потомки племени завоевателей — жрецы, чиновники, офицеры двухсоттысячной армии. Затем основная часть населения — крестьяне, пастухи, ремесленники. И наконец — государственные рабы — потомки некогда восставшего и усмирённого племени, обращённого в рабство.

Вся земля принадлежала верховному инке, то есть государству. Каждый крестьянин, женившись, получал от властей участок земли, необходимый для прокормления одного человека из расчета посева 45 килограммов кукурузы. Назывался такой участок тупу. При рождении сына ему выделяли еще один тупу. А после его смерти земля возвращалась в государственный фонд. Сырье ремесленникам также выдавалось государством, которому потом сдавались готовые изделия.

Вообще степень огосударствления была необычайно высока. Частная собственность отсутствовала, средства производства выделялись во временное пользование, а плоды труда поступали в распоряжение государства. Крестьяне помимо своих участков обязаны были обрабатывать земли инков, отбывать воинскую повинность, ремонтировать дороги, работать в золотых и серебряных копях. Такая система требовала огромного и разветвленного государственного аппарата, который надзирал, управлял, регламентировал жизнь в мельчайших ее проявлениях.

Для работы крестьяне объединялись в бригады из десяти семей, пять таких бригад составляли более крупный

коллектив и так далее, вплоть до объединения в десять тысяч семей.

Трудовой день на поле начинался по сигналу — чиновник трубил в рог со специально построенной башни. Закон предписывал определенное время еды, во время которой семья для удобства надзора держала дверь хижины открытой. Покидать деревню без разрешения не позволялось. Регламентировалось все — размеры жилища, покрой одежды (каждому человеку выдавалось с государственного склада два плаща одинакового фасона и цвета — рабочий и праздничный), прическа и даже сама семейная жизнь. Раз в году каждую деревню посещал особый чиновник, который производил бракосочетания тех, кто достиг определенного возраста. Кому с кем вступать в брак — решал тот же чиновник.

Всякое отклонение от регламента, от нормы жизни — будь то сооружение дома непредусмотренной формы или даже рождение двойни — рассматривалось как проявление враждебной государству силы. Закон требовал не просто соблюдения порядка, но радостного бодрого служения интересам общества. Так, родители девушки, отобранной для человеческих жертвоприношений, совершавшихся по разным торжественным поводам, не должны были ни в коем случае выказывать печали, а даже, наоборот, проявлять радость в связи с тем, что их ребенку оказана такая честь.

Закон опирался на систему жестоких и изощренных наказаний — от порки кнутом, подвешивания над пропастью за волосы или бессмысленного перетаскивания с места на место тяжелого камня до пожизненного заключения и смертной казни. Смерть полагалась за поваленное в лесу дерево или кражу плода с государственной плантации. Это были преступления против государства.

И вот такое-то огромное, жестокое, упорядоченное государство с двухсоттысячной армией и рабским послушанием подданных несколько сотен испанских головорезов смогли завоевать и привести к покорности за считанные годы.

Современное либеральное мышление усматривает среди главных причин успеха конкистадоров не отсутствие у инков огнестрельного оружия и лошадей, не борьбу за престолонаследие, развернувшуюся в империи как раз в то время, а косность и апатию, отсутствие инициативы и духовное угнетение, свойственные этому обществу, которое оказалось зданием, построенным на песке. Но отец Диего де Торрес, проектировавший на основе опыта инков свое государство иезуитов, скорее всего, так не думал.

Социальная пирамида. Переселение в автономный район состоялось тридцать лет спустя после начала создания редукций, в 1640 году, когда стало очевидно, что от столкновений с охотниками за рабами не отвяжешься. Словно крупный зверь, преследуемый собаками, уходили колонны гуарани с побережья Атлантики на юго-восток, обремененные накопленным имуществом, вооруженные ружьями, вступая в бой с преследующими их паулистами. Наверное, это было внушительное зрелище — переселение целого народа, исход в далекую страну, отрезанную от мира горами и порогами больших рек. Ему предстояло там прожить более ста лет, создав особый уклад жизни, такой похожий на тот, что существовал за сто лет перед тем на другом, тихоокеанском краю континента, только управляли гуарани не инки, а отцы-иезуиты, и в качестве божества выступал Христос, а не бог-солнце.

В Парагвае также была социальная пирамида. На верху — 200–300 иезуитов, затем около двухсот тысяч гуара-